

Наталия ЧЕРНЫХ

ТРОЙНАЯ ОПТИКА ОДНОГО РОМАНА С БРОДСКИМ

Вадим Месяц. Дядя Джо. Роман с Бродским. – М.: Русский Гулливер, 2020. – 368 с.

Пропускная система сломалась. Бессмертия больше нет.

Бывают книги, в которых шум и ярость времени почти приручены и больше похожи на только что открытое шампанское, чем на стихию. «Дядя Джо. Роман с Бродским» Вадима Месяца именно такая книга. Но это не значит, что она вводит читателя в мир безопасный, как музей современного искусства. В этой книге все люди и действия происходят здесь и сейчас, без возможности вернуть изображение назад. Персонажи – звезды того, что можно назвать «советская контркультура» – исчезают, затем появляются снова; наконец, растворяются в небытии, чтобы вынырнуть из него внезапно. Эрнст Неизвестный ждет свой гоголь-моголь, чтобы добавить в него водки. Сексапильный Курехин возникает на фоне океанских волн. И только Бродский, надменный, недоверчивый, разговаривающий порой через губу, болезненно скучающий, великий и близкий (как Ленин) не исчезает. Он всегда где-то недалеко. Даже после переменившей жизнь рассказчика «смерти тирана». «Теперь все будет по-другому. У вас – особенно», – говорит главному персонажу романа писатель Милославский в финале. Да, по-другому. Но это не значит, что без Бродского.

Бродский в этом романе, кроме реального лица, жившего в означенное время и оставившего после себя некий корпус текстов, – дух, живая легенда. Это то, что заставляет случайных собутыльников рассказчика читать Дилана Томаса (которого Бродский не любит). Это те стечения обстоятельств, благодаря которым рассказчик затевает странный праздник поэзии на другом конце мира. Здесь поэзия кочует из заштатных библиотек в тюрьмы (похожие на музей), потом на улицы и в модные мастерские. Это тот воздух и тот ветер, который идет с небесного побережья, особо с человеческим выбором не согласовываясь. Пафосно, не по-бродски, но что делать, таково присутствие в нашем мире Дяди Джо.

«Дядя Джо. Роман с Бродским» в аннотации назван «тарантиновским»; да и сам автор поигрывает авантюрной мышцей, включив в эпиграфы высказывание Тарантино. Действительно, это довольно динамичное – и криминальное – чтиво. Персонажи, пейзажи, интерьеры, страны и времена летят на огромной скорости, на грани аварии, а сам автор, будто ему ничего не грозит, любит себя со стороны. Или нет, смотрит на себя глазами Бродского. Получается тройная оптика: рассказчик, персонаж, похожий на рассказчика – и Бродский. Тарантиновский роман с Бродским. Бродский бы не одобрил. Но Месяцу можно.

«Это, вообще, книга с новым устройством письма и непривычным типом повествования, “портрет художника в юности”» на фоне его взлетов и падений», – пишет о «Дяде Джо» Андрей Тавров.

В случае «Дяди Джо» я все же больше читатель, чем эксперт. Книга пленила. Прежде всего прозой: *«У берега вода была мутной, словно уха на плохо очищенной рыбе»*. Короткие тропы (автор поэт милостью Божией, но его романов, повестей и рассказов никто не отменял). Мне нравится, как здесь струятся, подобно отпущенным на волю лентам, предложения. Иногда одно, иногда два или три сворачиваются в орнамент, самодостаточный, татуировкой. Все тело этого романа – в изысканных татуировках.

«За своей внутренней жизнью я уследить не мог, так же как за работой почек или печени. Я считал, что иметь какую-то особенную внутреннюю жизнь неприлично. Роскошь. Излишество. Я был уверен, что самые интересные вещи берутся ниоткуда».

Бродский (в 2020 скорее популярный персонаж современной литературы, чем культовая фигура) здесь для меня возвращает утраченное величие, – несмотря на то, что показан глуповатым (порой выглядит глупее автора, предприимчивого шалопаю), неловким, самовлюбленным и в общем мало что в жизни понимающим человеком.

«Он снисходительно принимал экскурсию, постоянно делая какие-то круговые движения языком во рту. То ли ему недавно вырвали зуб и он зализывал ранку, то ли – нервный тик».

В отличие от молодого оппонента, который вгрызается в жизнь, как в кусок мяса, и ему вкусно.

Бродский здесь (потому что роман с ним, а не с кем-то другим) сохраняет любезное мне явление единственности, о котором в отношении Гиппиус как-то обмолвился Блок. Это тот старший собеседник, которого уже нет, и с кончиной которого во вселенной автора осталась большая дыра. Дыр этих много. Например, Парщиков, с которым у автора (да и у Месяца самого) намного больше общего. Но только Бродский смог установить «американскую связь» для автора. Это было нечто вроде второго рождения. На одном из фото тридцатисемилетний Бродский в полосатой майке выглядит совсем мальчиком, длинноногий и легкий, он совсем не похож на величественные изображения более поздних лет. Вот эту остроту, легкость, моментальность Бродского Вадим Месяц и поймал.

«– Будьте моим дядей. В огороде – бузина, в Нью-Йорке – дядька. Идет? Не отказывайтесь! Я все равно не отвяжусь. “Мы ответственны за того, кого приручили”.

– Вы определенно ненормальный, – Бродский нервно вздохнул.

– Будьте мне дядькой! – повторил я.

– Ладно, – он помолчал, катая языком конфетку во рту. – Дядькой так дядькой. Можете звать меня Дядя Джо. Подходит?»

В «Дяде Джо» есть все признаки в полном, даже викторианском, смысле слова романа становления. И даже больше – это роман становления поэта (которое словно бы не до конца состоялось, но автору нравится дым недосказанности). Молодой поэт впервые появляется перед читателем студентом-физиком, затем авантюрно настроенным бродягой, затем превращается в известного писателя. Отечественные восьмидесятые, девяностые и нулевые раскладываются как веер, подробно, в наиболее характерных мелочах. Повествование о жизни автора-рассказчика идет неторопливо, но не замедленно (как магнитная пленка), разворачивается плавно, но расслабляться не дает. И был бы добротный, вкусный, автобиографичный роман. Но вмешался Бродский. Как неземная по происхождению специя. Как мескалито у Кастанеды. Как стихия. Но Бродский и есть стихия, что в романе отлично показано.

«Подборку его стихотворений я увидел впервые в журнале “Огонек” – и скривился. В поэзии я искал живой, искрящейся фактуры. Выхода за пределы бытового сознания. Здесь таких задач не ставилось. Единственный урок, который я извлек из чтения, – это то, что писать можно по-разному. Нужно настаивать на своей правоте – и всё. Постепенно я привык к этим отстраненным интонациям, где скепсис мешается с горечью, но свет в конце туннеля все-таки брезжит».

Любопытная параллель в первой части романа. Насколько живо и чувственно протекает телефонный диалог рассказчика с Бродским – настолько же мертвенно, адски холодно идет диалог с Ельциным.

В романе семь частей, каждая из которых распадается на несколько эпизодов, и в каждом – прямо или косвенно – возникает ракурс Бродского. Если прибегнуть к метафоре – роман-фотоальбом. Каждый эпизод как фотография. Оформление книги (с

мрачноватыми и мягкими иллюстрациями Александры Николаенко) соответствует этому фото-образу.

«Дядя Джо» довольно необычно решает задачи мемориальности и автобиографичности в прозе. Здесь нарциссизм – художественный метод. «Я» здесь включает в себя всех персонажей, кроме Бродского, инородность которого автору (да и всему миру) дана очень скупыми, но точными художественными средствами. Метод нарцисса, назову для краткости, не нов. Достаточно вспомнить «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», например. И это несомненная удача книги, ее крупная игра в современном литературном мире.

Мне очень приятно, что в «Дяде Джо» Бродский именно такой, как описал его рассказчик, не прибегая к портретной живописи словом. Я именно таким и представляла Бродского, таким он казался мне на фото и таким я его запомню.

«Через несколько лет после смерти Бродского я прочел в газете “Новое русское слово”, что магазин “Камкина” объявляет распродажу – цены снижены на 30 процентов. Я очень пожалел, что находился в то время в Сан-Франциско. Через неделю цены были снижены на 50 процентов. Еще через неделю на 70 процентов! Потом было объявление, “Заберите русские книги даром!” Самый большой магазин русской книги закрылся, а книги были переданы в Нью-Йоркскую публичную библиотеку», – этой цитатой из рецензии-мемориала старожила отечественной литературы Сергея Алиханова можно закончить рассказ о книге.